

А.Л. Сидоров

**Первая мировая война
1914-1918**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Л. Сидоров**
Первая мировая война: 1914-1918 / А.Л. Сидоров – М.: Книга по Требованию,
2013. – 375 с.

ISBN 978-5-458-53054-5

В статьях данного сборника предпринято изучение таких проблем, как: историографические проблемы первой мировой войны, военное и экономическое сотрудничество союзников; разработка планов военных кампаний враждующими сторонами; участие большевиков в первой мировой войне; регулирование военной экономики в России и в Европе и многое другое.

ISBN 978-5-458-53054-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Указанная концепция породила также представление о недостаточной развитости российского монополистического капитализма и надолго задержала разработку проблемы государственно-монополистического капитализма в России. Большая работа в этой области проведена советскими историками лишь за последние 10—15 лет. Сильно продвинулось вперед изучение военной экономики и ее регулирования, возникновения государственно-монополистического капитализма в плане материальных предпосылок социалистической революции, хотя пробелы в изучении этой тематики еще значительны. Но главный недостаток заключается в том, что мы не доводим изучение военной экономики до исследования ее воздействия на социальные и политические сдвиги в России, остается в тени важная социально-политическая сторона регулирования экономики. Приступив с запозданием, по инициативе и при активном участии представителей буржуазии, к военному регулированию экономики, правительство делало третий и последний вынужденный шаг к буржуазной монархии. Но это уже не могло укрепить союз царизма с монополистической буржуазией. Подъем революционного движения перерос в революционный кризис, который наши историки не сумели полностью связать с общественным кризисом. Возник «кризис верхов», из которого буржуазия искала выход путем подготовки дворцового переворота. По словам В. И. Ленина, это была «временная ситуация», но ее сумел использовать рабочий класс. У нас же пока нет ни одной серьезной работы об этой ситуации, о дворцовом заговоре.

Историки еще не изучают влияние военной экономики на изменение структуры рабочего класса, на положение отдельных групп буржуазии, на обострение противоречий в национальных районах. Ленинское положение о войне как «великом ускорителе» касается не только государственно-монополистического капитализма как материальной предпосылки социалистической революции. Ленинское положение относится прежде всего к качественно новой ступени классовой борьбы, к вызреванию субъективных предпосылок низвержения капитализма в наступившую эпоху социалистической революции.

Сообщения, сделанные в секции по социально-экономической проблематике истории первой мировой войны, показывают, что в научный оборот вводится все больше нового конкретно-исторического материала. Выделяются сообщения, в которых впервые исследуются государственное регулирование кожевенной промышленности (В. Я. Лапёрычев — Москва), Нижегородское заводское совещание и использование его аппарата для организации совнархоза после Октября (Н. М. Добротвор — Горький), работы государственных оружейных заводов (В. Н. Ашурков — Тула). Новизной и значимостью материалов отличались сообщения о развитии финансового капитала в судостроительной промышлен-

ности Юга России в годы первой мировой войны (К. Ф. Шацко — Москва), о мероприятиях по ликвидации так называемого немецкого засилья (В. С. Дякин — Ленинград), об организации многочисленных касс и фактической численности застрахованных перед Февральской революцией (Ж. З. Фалкова — Ленинград), об изменениях в составе бакинского пролетариата во время первой мировой войны (С. С. Аляров — Баку). В сообщении А. П. Погребинского (Москва) была более обстоятельно рассмотрена история Комитета по распределению железнодорожных заказов — тема, с которой автор выступал уже на Ленинградской сессии Научного совета (1961 г.).

Однако в прениях указывалось, что даже по центральному вопросу экономики первой мировой войны — государственно-монополистическому капитализму — еще недостаточно исследовано регулирование в отраслевом и районном разрезе. Настоятельно необходимо изучить регулирование угольной и нефтяной промышленности (А. Л. Сидоров), работу всех местных заводских совещаний (Н. М. Добротвор, В. В. Адамов — Свердловск), недостаточно изучены практические результаты деятельности центральных органов системы регулирования — Особых совещаний.

Вместе с тем одного накопления фактического материала уже недостаточно. Обсуждение проблем военной экономики вышло за пределы содержания сделанных сообщений и охватило коренные вопросы социально-экономической истории первой мировой войны и даже российского капитализма и империализма в целом.

В. И. Бовыкин (Москва) правильно отметил, что все еще преобладает тенденция объяснять сложности и неудачи военного регулирования экономики в России специфически российскими, а иногда и субъективными причинами. Назрела задача обобщения уже имеющегося огромного фактического материала. При разном уровне экономического развития воздействие первой мировой войны на экономику всех участвовавших в ней стран имело свои общие закономерности, а отсюда возникли и общие узловыи задачи военного регулирования экономики.

Одной из таких главных задач был вопрос о рабочей силе. Перед правительствами всех воюющих стран стоял общий вопрос: как сочетать комплектование армии с обеспечением рабочей силой производства в тылу. Всюду, хотя и в разной степени, происходило снижение качественного состава работающих и падение производительности труда, обострялась задача обеспечения производства квалифицированными рабочими.

Везде война вызвала чрезмерную перегрузку железнодорожного транспорта. В ходе войны транспорт все хуже справлялся с перевозками для фронта и тыла и все больше «разлаживался», хотя и в неодинаковой степени в отдельных воюющих странах. Это нарушало функционирование сложившегося ранее разделе-

ния труда между отраслями народного хозяйства и между районами страны.

Война нарушила международные экономические связи и сложившееся международное разделение труда, что опять-таки определяло общность задач военного регулирования экономики. Общей для всех воюющих стран была и задача финансирования войны, решаемая путем инфляции, которая нарастала с лавиной скоростью.

Такова общая основа государственного вмешательства и военного регулирования экономики, а вместе с тем и формирования государственно-монополистического капитализма во время первой мировой войны. Пределы и возможности регулирования определяются степенью обобществления производства в рамках капиталистического хозяйства, степенью его монополизации. Поэтому для разных стран и даже отраслей эффективность регулирования оказывалась различной. Но везде она имеет свои пределы и в любом случае приводит к кризису самой системы капитализма.

Т. Д. Крушинна (Москва) поддержала мысль о необходимости теоретического осмысления проблемы военной экономики в сравнительно-историческом сопоставлении России с другими странами. Важнейшая закономерность развития капиталистического хозяйства в первую мировую войну, указала она, заключалась в его милитаризации. Важным элементом политики милитаризации была милитаризация труда. Конкретное выражение она нашла в переводе рабочих на положение военнообязанных и в установлении на предприятиях военного режима. Практически на этот путь правительства стран как одного, так и другого блока стали с первых дней войны, хотя последовательность в проведении мер милитаризации, их характер в различных странах определялись и особенностями структуры народного хозяйства, и конкретными условиями военной обстановки.

Во Франции условия труда, быта и отдыха военнообязанных рабочих регламентировались государственной властью, а участие их в забастовках, которые рассматривались как бунт, каралось по законам военного времени. В Англии военнообязанные рабочие освобождались от военной повинности, но должны были подчиняться военному ведомству. В Германии с 1916 г. был издан закон о всеобщей трудовой повинности.

В России милитаризация раньше всего распространилась на рабочих казенных заводов, для которых уже в 1914 г. были ограничены самовольный уход и переход с работы на работу. Что касается промышленности в целом, то вопрос о милитаризации труда был поставлен в связи с планом ее мобилизации 1915 г., когда в буржуазных и правительственных кругах возник ряд проектов. Среди них следует отметить предложение Совета съездов представителей промышленности и торговли об объявлении воен-

нообязанными рабочих на заводах, выполняющих заказ для военных нужд; проект перевода на военное положение, возникший в Петроградском обществе заводчиков и фабрикантов; проект Министерства промышленности и торговли «О мобилизации промышленности» и др.

Помимо основной цели — обеспечения промышленности рабочей силой, все проекты милитаризации труда преследовали цель борьбы с рабочим движением и обуздания рабочего класса. Страх перед рабочим движением вызвал, особенно в среде буржуазии, разногласия по вопросу о методах проведения милитаризации труда в России, обусловил лавирование правительства. В результате ни один из проектов не получил утверждения. Однако система, определявшая условия труда рабочих, которые получили отсрочку от призыва в армию, суровые карательные меры по отношению к участникам забастовочного движения создали в России порядок, который нельзя охарактеризовать иначе, как «военную каторгу».

Ю. П. Нетёсин (Рига) подчеркнул, что крупным недостатком современных исследований по военной экономике России является их недостаточный теоретический уровень. Наши историки и экономисты исходят при анализе из неопределенного представления о «хозяйственной разрухе» («нарастает» с началом войны, становится фактом где-то около 1916 г., достигает степени «катастрофы» позднее и пр.). Между тем нам известны попытки в советской специальной литературе 20-х годов рассматривать военную экономику в целом как процесс капиталистического воспроизводства, принципиально отличный от «простого» и «расширенного» воспроизводства. В некоторых работах экономистов социалистических стран схема «суживающегося воспроизводства» (по другим определениям, «снижающегося воспроизводства», «отрицательного расширенного воспроизводства» и т. п.) рассматривается как одна из основных и перспективных схем (например, в работах польского экономиста О. Ланге). Разработка истории военной экономики России в строгих, определенных категориях экономической теории может принести только пользу.

И. Ф. Гиндин (Москва) обратил внимание на значение государственно-капиталистического хозяйства и государственно-капиталистической политики в России. В отличие от Запада в России получился некий симбиоз государственно-капитализма и нового государственно-монополистического капитализма. Как показал в своих работах К. Н. Тарновский⁴, настоящими государственно-монополистическими организациями были Металлурги-

⁴ К. Н. Тарновский. Формирование государственно-монополистического капитализма в России. М., 1958; см. также: В. И. Бовыкин, И. Ф. Гиндин, К. Н. Тарновский. Государственно-монополистический капитализм в России (К вопросу о предпосылках социалистической революции). — «История СССР», 1959, № 3, стр. 115—116.

ческий комитет и адекватные ему органы по непосредственному регулированию промышленности, «нижние этажи», по выражению К. Н. Тарновского, всей этой громоздкой системы. В то же время «верхние этажи» — особые совещания, были в основе своей государственно-капиталистическими органами. Не представители монополистической буржуазии, а генералы и министры имели там решающее значение. Эта особенность государственно-монополистического капитализма в России, заложенные в нем и обострившиеся с подъемом революционного движения противоречия между царским правительством и буржуазией ослабляли всю систему военного регулирования страны.

Поддерживая предшествующие выступления, И. Ф. Гиндин отметил, что задача финансирования мировой войны выражает более глубокие нарушения сложившихся ранее пропорций между фондами воспроизводства и фондами потребления. Помимо них, возникает огромный фонд «военного потребления», который поглощает как продукцию отраслей, производящих средства производства, так и предметы массового потребления. Рост инфляции как способа финансирования войны выражает решение этой задачи прежде всего за счет сужения фондов потребления трудящихся. В колониалистских странах Запада задача финансирования войны решалась еще за счет экономики колоний и полуколоний, резкого усиления их эксплуатации. Тем самым первая мировая война положила начало кризису колониальной системы.

На необходимость изучения влияния военной экономики на изменения в соотношении классов и расстановке классовых сил указывалось в ряде выступлений. О конкретных структурных изменениях в составе рабочего класса говорили С. С. Аляров и Ю. Н. Нетёшин. В связи с этим был поставлен общий вопрос о рабочей аристократии в России, об отсутствии у историков, занимающихся российским капитализмом, ясности в определении самого понятия «рабочая аристократия». По мнению Нетёшина, в определении этого понятия надо исходить из новейших работ советских историков и экономистов по проблемам современного капитализма. В них установлено, что существенным признаком рабочей аристократии является получение ею, более или менее постоянно, заработной платы в размере, превышающем стоимость полного воспроизводства рабочей силы. В России предвоенных лет, можно полагать, стоимость такого воспроизводства составляла в условиях промышленного города 800—900 руб. в год на основного рабочего.

Однако Нетёшин, Добротвор и другие отмечали, что изучение действительного движения цен в годы войны, а следовательно, и определение жизненного уровня рабочего класса и его отдельных слоев ведется неудовлетворительно. Столь же неудовлетворительно обстоит дело с изучением нормы эксплуатации, т. е. действи-

тельного уровня доходов эксплуататорских классов и их распределения между различными группами буржуазии. Очень слабо разработана методика изучения балансовой отчетности, которая в отличие от обычной экономической статистики имеет как общую, так и свою, российскую специфику. Без освоения этой методики не может быть правильно подсчитана вся масса прибыли, а следовательно, и норма эксплуатации в целом, и величина доходов, достигающих основным группам буржуазии.

Среди выступлений, посвященных положению национальных районов в годы войны, надо выделить сообщение Х. Т. Турсунова (Ташкент) о национально-освободительном движении народов Средней Азии в годы первой мировой войны⁵. А. Н. Гулиев (Баку) развернуто показал влияние войны на социально-экономическую жизнь Азербайджана и на этом примере — складывание социально-экономических предпосылок для социалистических преобразований после Октябрьской революции.

П. Г. Галузо (Алма-Ата) отметил, что для понимания вопроса о двух путях развития капитализма в колониальных и полуколониальных национальных районах страны решающее значение имеет ленинское положение об октябристском капитале. В. И. Ленин показал, что вся российская буржуазия, от торгово-купеческого капитала на окраинах страны до монополистической буржуазии в центре, использовала самые грубые формы эксплуатации, а на окраинах — и докапиталистические, торгово-ростовщические формы⁶. Положение об октябристском капитале в конечном счете приводит к объяснению и того, почему в национально-освободительном движении в России складывались не только социально-экономические предпосылки буржуазно-демократической революции, но и ее перерастания в социалистическую⁷.

В. И. Бовыкин возражал против универсализации понятия «октябристский капитал» и говорил о необходимости конкретно-исторического изучения этого сложного социально-экономического явления. В связи с этим он сообщил, что собственные его изыскания выявили массу примеров того, как самые новейшие по своему типу российские монополии широко использовали архаические формы эксплуатации.

Нетесни поддержал выдвинутое Гиндиным деление русской буржуазии по различным истокам ее формирования, в частности, выделение московской буржуазии, выросшей на основе развития

⁵ Х. Турсунов. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.

⁶ Термин «октябристский капитал» у В. И. Ленина — производный от партии октябристов. К ней примыкала значительная часть российской крупной буржуазии, которую В. И. Ленин характеризовал как хищников первоначального накопления (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 141; т. 23, стр. 106; т. 48, стр. 12—13).

⁷ Аргументацию см. в кн.: П. Г. Галузо. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965, стр. 5—35, 327—343.

текстильной промышленности и общероссийской торговли, и петербургской, складывавшейся вместе с развитием машиностроения и тяжелой промышленности страны⁶. Однако аналогичные различия можно проследить на формировании западной буржуазии. Это известное отличие между крупной буржуазией, раньше сформировавшейся на основе развития отраслей, производящих средства потребления, и буржуазией, сложившейся позже на базе роста отраслей, производящих средства производства, в результате, так сказать, развития капитализма в чистом виде. В понимании особенностей российской буржуазии может внести ясность серьезное изучение величины и характера прибылей (торговая прибыль, старая промышленная, монополия прибыль периода империализма).

А. П. Погребинский (Москва) и Л. Е. Шепелев (Ленинград) остановились на необходимости окончательного преодоления неверной концепции полукOLONиальной зависимости России.

Гиндин отметил, что катастрофическое нарастание внешнего государственного долга России в годы войны было особым, отличавшимся от довоенного долга явлением. Оно выражало одну из определяющих черт российской экономики. Промышленный потенциал России оказался недостаточным для ведения империалистической войны без непосредственной материальной помощи ее империалистических союзников. Критика концепции полукOLONиальной зависимости многими экономистами и историками, особенно в республиках и областях, до сих пор отождествляется с полным отрицанием экономической и финансовой зависимости России от стран Запада. Это, конечно, неверно. Такая зависимость была, но это совершенно иной ее тип, складывающийся между политически независимыми империалистическими странами. Историкам предстоит задача развернуто показать сущность и характер зависимости России во всей ее сложности, конкретных формах и действительной сущности. Лучше всего такая задача может быть выполнена на путях исследования широкой комплексной темы: «Место России в мировом капиталистическом хозяйстве, ее экономические связи и противоречия с основными империалистическими странами» (Францией и Германией в первую очередь). Социально-экономическая по своему основному содержанию, указанная тема имеет существенное значение и в плане более глубокого понимания внешней политики России. Тема важна и в теоретическом отношении, ее разработка поможет преодолеть упрощенные представления об отражении экономической и финансовой зависимости во внешней политике. Это отражение иногда толкуется весьма упрощенно как прямая функциональная зависимость.

⁶ И. Ф. Гиндин. Русская буржуазия, ее развитие и особенности в период капитализма.—«История СССР», 1963, № 2 и 3.

Работа второй секции, несмотря на то, что большинство сообщений были посвящены узким темам, охватила коренные вопросы влияния первой мировой войны на социально-экономическую историю России. На секции были обсуждены и по-новому сформулированы в широком аспекте задачи дальнейших исследований социально-экономической истории российского капитализма и империализма. Между тем со времени последней сессии секции Научного совета, которая была посвящена проблемам социально-экономического развития России (об «Особенностях империализма в России» в сентябре 1961 г.), до сессии по первой мировой войне прошло немногим более трех лет. Это означает, что на сессии 1964 г. выявились явные симптомы существенных сдвигов в исследовании социально-экономической проблематики и что небольшой коллектив участников секции сумел сделать из этого серьезные и обнадеживающие выводы.

В секции «Борьба классов и партий в годы первой мировой войны» широкое обсуждение вызвал доклад А. Я. Авреха «В. И. Ленин о революционной ситуации». Позднее доклад был опубликован⁹ и вызвал интересную дискуссию на страницах журнала «Вопросы истории КПСС»¹⁰. Обсуждение доклада Авреха на сессии в какой-то мере предвосхитило эту дискуссию.

Основную мысль докладчика — о необходимости различать два вида революционной ситуации, общую и непосредственную, — поддержали Н. А. Иванова и некоторые другие исследователи. Многие участники сессии высказались против такого деления (И. В. Бестужев, А. М. Володарская, В. В. Адамов). Предложение Авреха об исключении из понятия «верхов» — русской буржуазии, поскольку она политически угнеталась царизмом, вызвало возражение со стороны Е. Д. Черменского (Москва). Он подчеркнул, что несмотря на противоречия, в ряде вопросов позиции буржуазии и дворянства совпадали. Черменский также оспаривал утверждение Авреха о том, что третьенольская система перестала функционировать с образованием «прогрессивного блока». Он полагал, что эта система просуществовала вплоть до февраля 1917 г., что внутри «прогрессивного блока» по существу продолжали действовать два большинства (правоохранительское и октябристско-кадетское), ибо объединение помещичье-буржуазной оппозиции было очень непрочным и противоречивым.

В связи с этим Черменский отрицал наличие «двух заговоров», считая такую трактовку результатом нескритического отношения к буржуазным источникам. Напротив, В. Я. Лаврычев и К. Ф. Сидоров (Москва) доказывали, что «два заговора» имели место. Более осторожную позицию занял В. С. Дякин (Ленинград). По его мнению, нет оснований говорить об организованном

⁹ А. Я. Аврех. О некоторых вопросах революционной ситуации. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 5.

¹⁰ «Вопросы истории КПСС», 1966, № 12; 1967, № 1, 2, 5, 6 и 7.

заговоре буржуазии против самодержавия) но, безусловно, в буржуазном лагере налицо была сильная тенденция к совершенно новому дворцовому перевороту.

Дискуссия, по-видимому, еще далека от завершения, но проблемы, поднятые ею, стоят того, чтобы им и впредь уделялось самое серьезное внимание.

Обсуждение проблемы революционного кризиса выдвинуло перед исследователями ряд новых вопросов, связанных с конкретным изучением революционной ситуации в годы войны, в частности вопрос о соотношении кризиса «низов» и «верхов» на различных этапах этой войны. На сессии была высказана мысль о том, что в 1915 г. особую роль в складывании революционной ситуации сыграл кризис «верхов», который явился следствием прежде всего поражений царизма на фронте.

Подвергся также обсуждению ряд вопросов, связанных с оценкой характера борьбы пролетариата, соотношения стихийности и организованности в движении, интернационализации рабочего движения.

Касаясь весьма характерной для литературы 30-х — начала 50-х годов точки зрения, согласно которой все крупные выступления пролетариата периода войны зачислялись в политические и антивоенные, Л. М. Иванов, Ю. И. Кирьянов, И. П. Лейберов (Ленинград) отметили в своих выступлениях, что в условиях царизма даже обычные стачки выходили за рамки традиционистской борьбы вследствие столкновения рабочих с полицией, арестов стачечников и т. п. Но отсюда вовсе не следует, что все стачки в России в военные годы были политическими и антивоенными. Нельзя стирать грань между экономическими и неэкономическими выступлениями, с одной стороны, и политическими и революционными — с другой. В этой связи А. М. Лисецким (Книшнев) и другими вновь был поднят вопрос об отличительных чертах революционных стачек, поставленный на Ростовской (1963 г.) сессии Научного совета Н. А. Ивановой¹¹. Анализируя ряд высказываний В. И. Ленина, относящихся к предвоенному времени, Лисецкий отметил, что к революционным массовым выступлениям следует относить лишь те, которые характеризовались переплетением экономических забастовок и политических выступлений (демонстраций, митингов и т. п.), общенародным характером требований, быстротой и непрерывностью распространения движения, ожесточенностью и упорством участников. Кирьянов обратил внимание на необходимость разделения неэкономических стачек (требование уволить мастера) и политических стачек в собственном смысле.

Оживленные прения вызвала оценка характера выступлений мобилизованных крестьян и рабочих в июльские дни 1914 г. Ряд

¹¹ «Рабочий класс и рабочее движение в России 1861—1917 гг.», Л., 1966, стр. 211—239.

исследователей (П. А. Копалев, А. К. Кошик — Киев, П. И. Лигров — Пермь, И. Т. Довженко — Кривой Рог) считает их антивоенными. Против этой точки зрения выступили Кирьянов, А. А. Мухин (Иркутск). Они отметили, что эти выступления в большинстве случаев представляли собой столкновения мобилизованных с полицией, происходившие на почве «усмирения» запасных, пытавшихся перед отправкой в армию громить винные склады. При этом в «винных бунтах» принимало участие немало шовинистически и монархически настроенных мобилизованных (в частности, и отдельные группы рабочих).

Выступления Лейберова и других привлекли внимание участников дискуссии к вопросу о соотношении стихийности и организованности рабочего движения в годы первой мировой войны. Его трактовка была различна в литературе 20—30-х годов. Если в работах 20-х годов отмечалось, что при наличии обоих элементов все же преважировала стихийность вследствие народного движения и преобладания в стране мелкой буржуазии, то впоследствии внимание концентрировалось исключительно на моментах, характеризующих организованность движения, что не давало правильного представления о характере и глубине революционного процесса.

С данной проблемой тесно связаны и вопросы периодизации рабочего движения. Они также обсуждались на сессии в Ростове-на-Дону¹² и теперь вновь привлекли внимание участников дискуссии. Иванов, Кирьянов и Лавричев отметили, что необходимо отказаться от периодизации по «волнам» рабочего движения. Такой принцип периодизации уводит исследователя от выявления в рабочем движении качественно новых моментов. Некоторые историки (И. П. Лейберов, И. Т. Щербина — Киев, П. Л. Варгачук — Кривой Рог) связывают важнейшие вехи рабочего движения с вехами революционного кризиса. Между тем, как показывают конкретные исследования, и в данном случае полного совпадения нет. Если складывание революционного кризиса в России относится к лету — осени 1915 г., то важные изменения в рабочем движении, связанные с началом его оживления, как показали в своих выступлениях Хитров, Мухин и др., имели место уже весной 1915 г. Вместе с тем едва ли правомерно говорить о качественных изменениях в рабочем движении летом — осенью 1915 г. По мнению ряда участников дискуссии, такие изменения произошли лишь в конце 1916 — начале 1917 г. и были связаны с активными открытыми выступлениями пролетариата против царизма и войны. Именно к концу 1916 г. большинство исследователей относит складывание непосредственной революционной ситуации.

И. П. Лейберов, В. Л. Харитонов (Харьков) высказались за

¹² «Рабочий класс и рабочее движение в России 1861—1917 гг.», стр. 5—57.